

15 ЮЛЯ

№ 14

VII годъ

№ 14

1896 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатныхъ листовъ, 3 р., съ доставкой въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. За пересылку за границу добавляется въ подписной цѣнѣ 2 руб. Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства: С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, дому № 18-й.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Приказъ по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Въ Москвѣ.

Мая 15-го дня 1896 года, № 24-й.

ВЫСОЧАЙШИМЪ рескриптомъ отъ 14-го сего мая Всемилостивѣйше пожалованъ Миѣ портретъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, *осытанный брилліантами.*

Тронутый до глубины души высокимъ МОНАРШИМЪ вниманіемъ, почитаю себя счастливымъ объявить копію съ настоящаго рескрипта по войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, блестя-

щему состоянію которыхъ несомнѣнно Я обязанъ столь драгоцѣннымъ для Меня знакомъ особой милости нашего *Обожаемаго Державнаго Вождя*.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

Въ знаменательный для МЕНЯ и всего МОЕГО Семейства день, Священнаго МОЕГО Коронованія, привѣтствую Васъ, какъ МОЕГО Старшаго Дядю и какъ Главнокомандующаго собранныхъ въ Москвѣ войскъ. Службъ въ войскахъ и съ войсками, заботамъ о ихъ благоустройствѣ и военномъ усовершенствованіи, попеченіямъ и любви къ солдату, стремленіямъ раздѣлить съ войсками ихъ труды, самоотверженіе и самыя опасности—посвящены всѣ помыслы и вся жизнь ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА. Въ минувшую войну съ Турціею, на передовыхъ позиціяхъ Рущукскаго отряда, Вы командовали 12-мъ армейскимъ корпусомъ и связали Ваше Имя съ воспоминаніями о славныхъ дѣлахъ нашихъ войскъ подъ Мечкою и Трестеникомъ. По окончаніи войны, Вы стали во главѣ Гвардейскаго корпуса, а по восшествіи на престолъ въ Бозѣ почившаго Родителя МОЕГО, назначены Главнокомандующимъ войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Неустанныя, въ теченіе 15-ти лѣтъ, заботы Ваши о преуспѣяніи ввѣренныхъ Вамъ частей высоко цѣнились Незабвеннымъ для НАСЪ обоихъ Родите-

лемъ МОИМЪ и Вашимъ Братомъ, выражавшимъ Свою благодарность въ цѣломъ рядѣ рескриптовъ, данныхъ на Ваше Имя.

Близко знакомый съ состояніемъ и внутреннею жизнію этихъ войскъ, Я знаю какъ плодотворна Ваша дѣятельность, и съ какою заботливостью Вы относитесь ко всѣмъ учрежденіямъ, состоящимъ подъ главнымъ Вашимъ Начальствомъ.

Принося Вамъ выраженіе искренней МОЕЙ признательности за Вашу горячую преданность, за Ваши неутомимые труды и заботы по всѣмъ дѣламъ и обязанностямъ, МОИМЪ довѣриемъ на Васъ возлагаемымъ, прошу ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО принять и носить на груди, препровождаемый при семъ, осыпанный брилліантами, портретъ МОЙ.

Пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный
и искренно любящій племянникъ
НИКОЛАЙ.

Главнокомандующій, Генераль-Адъютантъ **ВЛАДИМИРЪ.**

По распоряженію О. Протопресвитера приказъ сей на страницахъ «Вѣстника военнаго духовенства» напечатанъ именно сегодня, въ день тезоименитства Августѣйшаго Главнокомандующаго, дабы свѣтлый обликъ Его, начертанный рукою МОНАРХА, глубже запечатлѣлся и тверже хранился въ душахъ военныхъ пастырей, такъ много обязанныхъ отеческому вниманію къ религіознымъ нуждамъ Рус-

скаго воина, многократно и многообразно заявленному достойнымъ носителемъ имени св. Равноапостольнаго Князя Владиміра, Вождемъ нашей славной гвардіи Великимъ Княземъ **ВЛАДИМИРОМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ.**

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

Бесѣда о почитаніи родителей.

Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долголетенъ будешь на земли (5 запов. зак. Божія).

Пятая заповѣдь закона Божія повелѣваетъ вамъ, христолюбивые воины, почитать и любить своихъ родителей, и въ награду за это обѣщаетъ долголѣтнюю, счастливую жизнь.

Извѣстно, родители ближе всѣхъ къ намъ; имъ мы обязаны, по благословенію Божію, своимъ происхожденіемъ на свѣтъ, — ихъ и должны, значитъ, любить и почитать больше всѣхъ. На дѣлѣ испытали и видали вы, какъ дитя любить свою мать: оно еще ничего не понимаетъ и не разумѣетъ, но уже стремится въ объятія своей матери и на груди ея находитъ себѣ успокоеніе.

Какъ хорошо было бы, если бы это святое чувство сохранилось въ дѣтяхъ на всю ихъ жизнь! Однако, бываетъ такъ, что когда дѣти вырастутъ, то совершенно охладѣваютъ въ своей любви къ родителямъ. За то, какъ жалки и несчастны тѣ дѣти: они лишаются благословенія родительскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благословенія Божія. Вспомните исторію несчастнаго Хама, сына Ноева: страшное проклятіе, произнесенное отцомъ, и донинѣ имѣетъ силу надъ несчастнымъ потомствомъ Хамовыхъ! И донинѣ народы, происшедшіе отъ Хама, остаются во мракѣ невѣжества, и по нынѣ несутъ они

тяжкое иго рабскаго подчиненія другимъ народамъ—потомкамъ Сима и Гафета. Не то-ли самое повторяется и со всѣми дѣтьми, непокорными и непочтительными къ родителямъ? *Проклятъ тотъ, кто безчеститъ отца своего и мать свою (Втор. 27, 26). Иже злословитъ отца своего или мать свою, смертію да умретъ (Исход. 21, 16)*—сказано въ Св. Писаніи.

Непокорные и непочтительные дѣти и въ настоящей жизни, услышавъ изъ устъ родительскихъ неблагословеніе себѣ, не имѣютъ счастливаго успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, терпятъ нужду и болѣзни, а, нерѣдко, и самую смерть. Въ одной книгѣ разсказывается:

«У бѣдной вдовы былъ единственный сынъ. Мать надѣялась видѣть въ немъ добраго кормильца и опору въ своей старости, но сынъ своими грубыми поступками часто доводилъ бѣдную мать свою до слезъ. Разъ онъ побилъ ни за что жену; мать со слезами начала уговаривать его; но раздраженный сынъ бросился на мать съ бранными словами, схватилъ ее за грудь и тряхнулъ съ такою силою, что бѣдная женщина больно ударилась о стѣну головой... Стоны матери, крикъ жены, плачь дѣтей заставили его выпустить старушку—мать и уйти изъ дома. Тогда, глубоко оскорбленная мать, вся въ слезахъ, падаетъ на колѣни предъ св. иконами и говоритъ: «Господи! Ты видишь, какъ обижаетъ меня мой родной неблагодарный сынъ, чѣмъ онъ платитъ мнѣ за мою любовь, за мои о немъ попеченія: да не будетъ ему ни Твоего, ни моего благословенія! И что же? Судъ Божій совершился. Въ тотъ-же самый день оскорбитель-сынъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, эта дрожь съ каждымъ днемъ усиливалась и дошла, наконецъ, до того, что онъ, дотолѣ сильный и здоровый работникъ, не могъ владѣть не только сохой или косой,—но даже и ложкой; съ трудомъ передвигалъ ноги и не иначе принималъ пищу, какъ изъ рукъ жены и дѣтей. Правда, онъ испросилъ прощенье у матери, которая вскорѣ затѣмъ умерла, сталъ тихъ и смиренъ, какъ дитя, но жизнь его часъ отъ часу становилась тягостнѣе. Былъ онъ и у св. угодниковъ въ Кіевѣ, Почаевѣ, Воронежѣ и др. мѣстахъ, но Богу не угодно было, не смотря на его слезныя мольбы, даровать ему исцѣленіе. Такъ прошло 13-ть лѣтъ. Болѣзнь его, наконецъ, до того усилилась, что онъ почти не могъ говорить; позвали къ нему священника; больной исповѣдался и пркчастился св. Таинъ; это укрѣпило его на столько, что онъ сталъ свободно говорить—и, поучивъ довольно дѣтей

и родныхъ, какъ тяжекъ грѣхъ непочитанія къ родителямъ, мирно скончался» (Жур. Рус. Пал. 1893 г.). Или, вотъ, еще другой примѣръ.

Одинъ нищій слѣпой и сухорукій, на вопросъ о причинѣ постигшаго его несчастія, отвѣчалъ: «виновать я предъ Богомъ и предъ людьми. Вотъ уже шестой годъ, какъ я изо-дня въ день перехожу отъ одного дома въ другой, четыре же года предъ этимъ пролежалъ я въ постели, словно колода,—значить уже десятый годъ, какъ постигъ меня гнѣвъ Божій... Самъ я виновать въ своемъ несчастіи. Я сильно прогнѣвалъ Бога и тяжело согрѣшилъ предъ нимъ. На вопросъ, какой же грѣхъ его? Отвѣчалъ: «я сильно и дерзко поругался надъ своимъ родителемъ и нанесъ ему побои, и вотъ за этотъ поступокъ Господь наказалъ меня. Хотя сдѣлалъ я въ пьяномъ видѣ, но все же я преступилъ законъ Божій и за это постигъ меня гнѣвъ Божій» (Воскр. Чтен. 1868 г. № 13). Да, воины, только любящіе и почитающіе своихъ родителей дѣти благоденствуютъ на землѣ: *благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ* (Сир. 3,9).

Господь этимъ только дѣтямъ обѣщаетъ долголѣтнюю жизнь. Онъ особенно хранитъ ихъ жизнь и устрояетъ благополучіе на землѣ и даруетъ имъ безсмертную жизнь въ отечествѣ небесномъ.

Возмите во вниманіе, какъ Богъ благословилъ дѣтей Исаака—Исава и Иакова за любовь ихъ къ отцу своему, какъ возвеличилъ Иосифа, котораго братья продали въ Египтъ?! Какъ-же должно почитать намъ своихъ родителей? Мы должны почтительно обходиться съ ними,—повиноваться имъ: *чада послушайте родителей своихъ во всемъ: сіе бо угодно есть Господу* (Кол. 3,20); питать и покоить ихъ во время болѣзни и старости: *чадо, поучаетъ премудрый сынъ Сираховъ, заступи въ старости отца твоего* (Сир. 3,12);—молиться объ ихъ здоровьѣ при жизни, молиться объ упокоеніи ихъ въ небесномъ царствіи по смерти ихъ.

Самъ Богочеловѣкъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, показалъ намъ примѣръ того, какъ мы должны любить своихъ родителей, повиноваться имъ и заботиться о нихъ (Лук. 2, 51). Онъ служилъ своимъ родителямъ по плоти, занимаясь съ мнимымъ отцомъ своимъ древодѣліемъ, а во время страданій своихъ, вися на крестѣ и испытывая жесточайшія муки, Онъ утѣшалъ свою рыдающую Пречистую Матерь (Іоан. 19,26,27).

Дивное послушаніе къ отцу своему Аврааму показалъ сынъ его Исаакъ, когда Богъ повелѣлъ его принести въ жертву.

У Авраама былъ одинъ только возлюбленный сынъ отъ Сарры — Исаакъ. И вотъ Богъ велѣлъ Аврааму принести его въ жертву Ему. Авраамъ взялъ сына своего Исаака, двухъ рабовъ своихъ и пошелъ на ту гору, гдѣ надлежало совершить жертвоприношеніе. Оставивъ слугъ своихъ подъ горою, Авраамъ возложилъ дрова на плечи Исаака, самъ взялъ въ руки огонь и ножъ и вѣдѣсь съ сыномъ пошелъ на гору. Здѣсь Авраамъ устроилъ жертвенникъ и положилъ на него сына своего Исаака. Исаакъ безропотно предалъ себя отцу—дѣлать съ нимъ, что онъ хочетъ; послушенъ былъ до смерти, зная, что огорчить отца—хуже смерти....

Но у насъ не во всякомъ семействѣ можно видѣть послушныхъ и покорныхъ дѣтей, которые бы безъ воли родителей ничего не предпринимали, которые-бы заботились о своихъ престарѣлыхъ родителяхъ—поили и кормили ихъ, усердно молились о нихъ Богу.

Приходится слышать, какъ дѣти иногда дерзко безчестятъ своихъ родителей...

Конечно, нельзя сказать, чтобы всѣ родители были правы по отношенію къ своимъ дѣтямъ; у нѣкоторыхъ родителей дѣти бываютъ дерзки, непослушны, непочтительны потому, что сами родители ведутъ нехорошую и безпечную жизнь, не воспитываютъ дѣтей въ страхъ Божию и благочестію; но дѣти не должны быть дерзки и грубы и съ такими родителями. Если родители ведутъ небогобоязную жизнь, то Господь взыщетъ съ нихъ: не дѣтямъ судить ихъ. Хамъ осудилъ отца и за то подвергся отъ Бога проклятію.

А если дѣти будутъ почитать своихъ родителей, хотя бы и недостойныхъ, то они исполнятъ свой долгъ и удостоятся за то благословенія Божія.

Долгъ-же родителей: воспитывать своихъ дѣтей въ благочестіи христіанскомъ: *Отцы, говоритъ ап. Павелъ, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни (Ефес. 6, 4).*

Хр. войны, почитайте своихъ родителей *отломъ и словомъ, да найдеть (на васъ) благословеніе отъ нихъ (Сир. 3, 8)* всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Церкви 4-го Донскаго полка Священникъ Павелъ **Соболевъ**.

С Л О В О

при первомъ служеніи полкового священника къ своей паствѣ.

Благодать вамъ и миръ до умножится
(2 Петр. 1 гл. 2 ст.),

Вожди и христілюбивые войны!

Въ житейскомъ быту существуетъ обычай, при первой встрѣчѣ, привѣтствовать другъ друга какимъ либо благожеланіемъ. Принеся нынѣ въ первый разъ въ семъ святомъ храмѣ безкровную жертву, я считаю и своимъ нравственнымъ долгомъ и долгомъ самого моего служенія привѣтствовать васъ благожеланіемъ, которымъ нѣкогда привѣтствовалъ апостоль Павелъ римскую паству. Не знаемъ, всегда ли имѣютъ какое либо значеніе и дѣйственность мірскія привѣтствія, но изъ примѣра и заповѣди Господа и Его апостоловъ убѣждаемся, что благожеланіе служителя алтаря, какъ посланника Божія, и само по себѣ, и по отношенію къ принимающимъ его съ вѣрою, имѣетъ свою духовную силу. *«Входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему. И если домъ будетъ достоинъ, то миръ вашъ прійдетъ на него, если же не будетъ достоинъ, то миръ вашъ къ вамъ возвратится»* (Мѡ. 10 гл. 12—13 ст.)—вотъ какою заповѣдію напутствовалъ Христосъ Спаситель своихъ учениковъ, при посольствѣ ихъ на проповѣдь евангелія. Въ этой то заповѣди Господа и имѣютъ свое начало и всю силу важности всѣ благожеланія служителей Церкви, которыхъ посылаетъ на ближайшее себѣ служеніе и спасеніе тотъ же Господь, Который посылалъ на проповѣдь въ міръ, съ заповѣдію возвѣщенія мира, избранныхъ учениковъ своихъ. Итакъ, благодать вамъ и миръ, вожди и войны, отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа!

Но почему первое мое вамъ благожеланіе ограничивается только двумя предметами: благодатію и миромъ? Да потому, что въ нихъ заключена сущность всего, что можетъ пожелать стужитель Божій своей паствѣ. *Благодатію есте спасени черезъ вѣру* (Ефес. 2,8)—вотъ основаніе важности перваго моего вамъ благожеланія. Для кого слово «спасеніе», т. е. свобода отъ рабства грѣху и плоти, не составляетъ пустого звука безъ значенія, кто собственнымъ опытомъ, или же опытомъ другихъ, вѣковымъ опытомъ

всѣхъ народовъ, убѣдился, какъ недостаточно собственныхъ усилій и средствъ для борьбы съ діаволомъ, міромъ и плотью, тотъ не потребуеъ отъ насъ дальнѣйшаго объясненія, почему дары благодати мы дѣлаемъ предметомъ перваго искренняго вамъ благожеланія. Одна милость Божія, безъ всякихъ заслугъ съ нашей стороны, могла дать и дала человѣку тогъ неоцѣненный даръ, ту благодатную силу, безъ которой онъ не можетъ ни увѣровать, ни вѣровать во Христа, ни творить дѣлъ, достойныхъ жизни по Христу, и пребывать въ христіанской вѣрѣ и благочестіи до конца жизни. Этой-то милости Божіей, сего-то великаго дара благодати прежде всего желаю и призываю отъ Господа для васъ, вожди и воины, не только теперь, но, по долгу своего служенія, буду призывать всегда, до тѣхъ поръ, пока Господь удостоитъ меня предстоять престолу храма сего и возносить о васъ молитвы и безкровную жертву.

«Входя въ домъ, привѣтствуйте его, говоря: миръ дому сему» (Мѡ. 10 гл. 12 ст.), сказалъ Господь своимъ ученикамъ, при отправленіи ихъ на проповѣдь. — Вотъ основаніе важности втораго моего вамъ благожеланія. Кратко слово «миръ» по буквамъ, но обширно по своему внутреннему значенію; произнося это слово, я желаю вамъ мира во всѣхъ отношеніяхъ: желаю, что бы вы имѣли миръ съ Богомъ: не привлекали на себя Его праведнаго гнѣва своими грѣхами, но старались устроить и вести свою жизнь по Его заповѣдямъ; желаю вамъ мира съ самими собою: не позволяйте порочнымъ страстямъ поработать себя, но укрощайте и покоряйте душу и тѣло въ послушаніе вѣры; желаю вамъ мира и другъ съ другомъ: не дѣлайте одинъ другому никакихъ обидъ и непріятностей, а напротивъ, оказывайте любовь и взаимныя услуги. Богъ нашъ есть Богъ мира и любви, Богъ милосердія, потому Ему ничто такъ не противно, какъ живущая въ человѣческомъ сердцѣ злость къ ближнему. И тѣмъ искреннѣе мои благожеланія, чѣмъ важнѣе ваше званіе. А ваше воинское званіе — высокое и важное! Оно есть званіе христіанина по преимуществу. Что такое христіанинъ? Христіанинъ — тотъ, кто, отъ всего сердца и всей душой любя Бога, стремится къ тому, къ чему стремился Христосъ, старается мыслить и чувствовать такъ, какъ мыслилъ и чувствовалъ Христосъ, старается жить и дѣйствовать, по возможности подражая Его жизни и дѣйствіямъ. Что же мы видимъ во Христе? Прежде всего мы видимъ, что вся жизнь Иисуса Христа была ничѣмъ инымъ, какъ исполненіемъ воли Отца Небеснаго. Явился Онъ въ міръ, жилъ и дѣйствовалъ, совершилъ наше спасеніе все по тому, что такова

была о семъ воля Отца Небеснаго. *«Я сошелъ съ небесъ, говоритъ Онъ о Себѣ, не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца (Еванг. Іоан. 6 гл. 38 ст.).* Какой и вашъ, братіе—вожди и воины, самый первый и важнѣйшій долгъ? Повиновеніе волѣ Царя, во имя Бога, волѣ отечества, благословляемаго св. Церковію. Вотъ чью волю вы призваны исполнять безусловно. Исполняйте же сію обязанность точно, неуклонно, до послѣдней возможности и вы будете достойными подражателями Христа, исполнившаго волю Пославшаго Его. Что дѣлалъ Иисусъ Христосъ, живя на землѣ? Изгонялъ ложь и грѣхъ, водворялъ въ людяхъ истину и правду; всякое слово Его было во благо, на пользу людей. Преимущественнымъ же Его вниманіемъ пользовались немощные, страждущіе, угнетенные, беспомощные люди. Не главное ли и ваше призваніе—прекращать зло и безпорядки, утверждать миръ, покой и благоденствіе, защищать слабыхъ, угнетенныхъ, преслѣдуемыхъ коварствомъ и злобою! Стойте крѣпко за правду! Да не будетъ предѣловъ любви вашей ко всѣмъ требующимъ, во имя вѣры, истины, вашей помощи и защиты, и вы будете продолжателями дѣла Христа. Наконецъ, вся жизнь Иисуса Христа была непрерывнымъ рядомъ скорбей, огорченій и закончилась она самою ужасною, позорною и мучительною смертію. Предъ всѣми другими званіями на вашу долю, вожди и воины, чаще всего дастаются труды, лишенія, скорби. Да послужитъ это для васъ особеннымъ утѣшеніемъ и ободреніемъ. Если кто, то вы по преимуществу подражаете Господу, всегда готовые отдать жизнь свою за ближнихъ. И благо вамъ, если вы будете нести этотъ крестъ такъ же охотно, съ такимъ же незлобіемъ, съ какимъ несъ его Господь. Не видите ли, что ваше воинское званіе есть какъ бы званіе христіанина по преимуществу, всегда послушнаго Высшей волѣ, всегда любящаго ближняго болѣе себя; всегда готоваго за истину и правду на страданія и смерть. Спаситель говорилъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ *«гдѣ буду Я, тамъ и слуга Мой будетъ» (Іоан. 12, 26).* А Христосъ всегда съ Богомъ Отцемъ! У Отца же Небеснаго мѣсто и для всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, а также и для васъ, вожди и христоролюбивые воины!

Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да умножатся. Аминь.

Священникъ 162-го Ахалцыхскаго пѣхотнаго полка Аеоносій Лепорскій.

Поѣздка священника во Владивостокъ съ новобранцами на пароходѣ
Д. Ф. «Саратовъ» весною 1895 года.

Пароходъ Д. Ф. «Саратовъ», на который угодно было О. Протопресвитеру назначить меня вторично для сопровожденія слѣдующихъ во Владивостокъ новобранцевъ, въ 1895 г. году въ свой первый рейсъ вышелъ изъ Одессы четвертымъ изъ пароходовъ Д. Ф., поэтому нѣсколько поздне противъ прошедшаго года, именно—7 марта. Погода стояла не особенно благоприятная: было довольно свѣжо и съ моря дулъ сырой холодный вѣтеръ. Когда все было готово къ отходу, я отправилъ нанутственный молебенъ, предъ началомъ котораго произнесъ соотвѣтствующее слово. Въ 5 ч. вечера пароходъ началъ сниматься съ гавани. Громкое, много разъ повторяемое ура, огласило воздухъ и съ берега и съ парохода. За Константинополемъ, погода начала измѣняться къ лучшему, а съ прибытіемъ въ портъ—Саидъ, мы встрѣтили уже настоящее лѣто.

Въ порядкѣ изложенія моихъ замѣтокъ я постараюсь держаться той же послѣдовательности, какую я намѣтилъ въ прошедшемъ году, именно—1, отправленіе богослуженія, —2, общая молитва, —3, собесѣдованія и чтеніе книгъ, —4, церковное имущество и отчетность, —5, общія впечатлѣнія.

1. *Отправленіе богослуженія.*

Первой заботой моей было—сформировать церковный хоръ. Желających на первый разъ оказалось много, но двѣ—три спѣвки показали, что половина оказалась не пригодной, и пришлось оставить человѣкъ пятнадцать. Не могу здѣсь умолчать о томъ, что составить для богослуженія, не говорю приличный, а сколько нибудь сносный хоръ въ короткое время, да при томъ еще изъ такого разнокалибернаго народа, стоитъ не малаго труда. Если не найдется среди самихъ пѣвчихъ человѣка основательно знающаго пѣніе и способнаго быть руководителемъ, то горѣ священнику, если онъ самъ не знаетъ пѣнія. Про себя скажу, что я хотя заурядный пѣвецъ, но при трудѣ достигъ отрадныхъ результатовъ, и къ приходу во Владивостокъ мои пѣвчіе начали пѣть очень порядочно. Въ чтецахъ также не оказалось недостатка, особенно выдѣлялся одинъ новобранецъ изъ крестьянъ, довольно знакомый даже съ церковнымъ уставомъ. Тѣмъ не менѣе я предъ

каждымъ богослуженіемъ репетировалъ, такъ сказать, чтецовъ, особенно читающихъ апостолъ. Для пѣвчихъ же мною составлено было особое подробное чинопослѣдованіе всенощнаго бдѣнія и литургіи, съ выпискою нѣкоторыхъ пѣснопѣній цѣликомъ.

Богослуженіе на суднѣ отправлялось во время рейса во всѣ воскресные и праздничные дни, исключая конечно такихъ дней, когда была качка. Съ вечера обыкновенно въ 7 часовъ отправлялось всенощное бдѣніе, утромъ часовъ въ 9 литургія. Объ устройствѣ обычной пароходной временной церкви мнѣ приходилось говорить въ прошедшемъ году. Если принять во вниманіе любовь русскаго человѣка къ общественной молитвѣ и вообще къ общественному богослуженію, будетъ ли это солдатъ, переселенецъ ли, не исключая и всей судовой команды, начиная съ матроса и кочегара и кончая командиромъ, то комитетъ добровольнаго флота сдѣлалъ бы большое благо, если бы для cadaго судна, гдѣ съ рейсомъ слѣдуетъ священникъ, устроилъ подвижные полотняные иконостасы. Благолѣпная обстановка походнаго судоваго храма, дѣйствуя на взоръ молящихся, сильнѣе бы возбуждала въ нихъ религіозное чувство и давала бы полную отраду сердцу переносить мысленный взоръ на далекую родину, въ родные благоуукрашенные храмы. А что есть у матросовъ стремленіе видѣть обстановку богослуженія въ болѣе благолѣпномъ видѣ, можно указать на тотъ фактъ, что въ нынѣшнемъ году на «Саратовѣ», на такъ называемыя образныя суммы, составившіяся въ нѣсколько лѣтъ изъ копѣчныхъ приношеній «на свѣчку» отъ солдатъ и самой пароходной команды, заведено было приличное облаченіе на престолъ и жертвенникъ изъ золотистаго газета съ таковыми же покрывами. Тщаніемъ той же команды, при содѣйствіи одного изъ офицеровъ, въ прошломъ году сооруженъ командный образъ Святителя Николы въ приличномъ кіотѣ. Такъ какъ богослуженіе совершалось на верхней палубѣ (спордекѣ), то солдатъ являлось къ богослуженію столько, сколько могла вмѣстить палуба. Тутъ же собирались и свободныя отъ вахты машинная и матросскія команды. Что касается классныхъ пассажировъ, то, къ сожалѣнію, нужно сказать, что они не особенно охотно присутствовали за богослуженіемъ, чего о пассажирахъ прошлагодняго рейса нельзя сказать. Исполнившихъ же изъ нихъ долгъ исповѣди и Св. Причастія нужно считать единицами. Въ теченіе рейса до Владивостока совершено было пять литургій. Говѣющихъ въ настоящій рейсъ было менѣе противъ прошлагодняго—всего

до 600 человекъ. Такъ какъ выходъ изъ Одессы былъ уже на четвертой (крестопоклонной) недѣлѣ Великаго поста, то многіе новобранцы успѣли отговѣтъ въ частяхъ войскъ, изъ которыхъ направлены они были во Владивостокъ. Впрочемъ, были случаи, нѣкоторые по собственному усердію просили дозволенія отговѣтъ вторично на пароходѣ, что я съ полною охотою позволялъ. Исповѣдь, смотря по числу говѣющихъ, начиналась наканунѣ Св. Причастія, а иногда и за день, тѣмъ болѣе, что примѣненный мною въ прошедшемъ году способъ—испытаніе въ знаніи молитвъ во время исповѣди я нашелъ цѣлесообразнымъ и продолжалъ практиковать его и нынѣ, слѣдовательно на исповѣдь каждого требовалось удѣлять болѣе времени, чѣмъ бы слѣдовало. Послѣ исповѣди я каждого надѣлялъ—грамотнаго книжкою, а неграмотнаго бумажною иконкою, съ приличнымъ наставленіемъ и благожеланіемъ. Остальнымъ, говѣвшимъ ранѣе, предъ приходомъ во Владивостокъ, я роздалъ весь имѣвшійся у меня остатокъ брошюркъ и иконъ—до 400 экз. того и другого. Такимъ образомъ мною роздано было всего около 1000 экземпляровъ.

Всѣ праздники, начиная съ вербнаго воскресенія и кончая Пасхой, пришлось провести въ морѣ, первый изъ нихъ какъ разъ между портами Аденъ и Коломбо. Насколько Цейлонъ отличается роскошною тропическою растительностію, на столько флора Адена и его окрестностей бѣдна. Поэтому къ наступающему празднику вербнаго воскресенья мы не имѣли возможности заpastись вербою на берегу и удовольствовались небольшимъ количествомъ пальмовыхъ вѣтвей, срѣзанныхъ съ пальмъ, находившихся въ пассажирской рубкѣ. За всеночнымъ бдѣніемъ я произнесъ краткое слово съ приглашеніемъ къ пожертвованію на Палестинское общество. (Собранная сумма около 15 руб. въ свое время представлена по принадлежности). Богослуженіе на страстной седмицѣ началось со среды и окончилось первымъ днемъ Св. Пасхи. Послѣдованіе страстей, хотя и не при монастырскомъ выполненіи всего по уставу, продолжалось довольно долго и даже не вызвало со стороны присутствующихъ никакихъ сѣтованій на продолжительность, что иногда, говоря откровенно, бывало. Выносъ плащаницы, погребеніе Христа, возможности, совершены были торжественно. Въ выносѣ плащаницы и обнесеніи ея въ концѣ утрени кругомъ пассажирской рубки по моему приглашенію принимали участіе почетные пассажиры, капитанъ парохода и нѣкоторые офицеры,—всѣ были въ парадной формѣ. Богослуженіе въ Великую

субботу закончилось въ 12 часовъ. Послѣ литургіи совершенно было обычное освященіе хлѣбовъ и вина. Хлѣбы потомъ были раздроблены и каждый присутствовавшій подходилъ къ столику и съ благоговѣніемъ вкушалъ отъ хлѣба и вина. (Вино было приготовлено въ чашѣ).

Наступили сумерки Великой Субботы. Началось чтеніе предъ плащаницею Дѣяній Св. Апостоловъ. Съ какою любовью принялись грамотные солдатики за чтеніе: каждый наперебой старался завладѣть мѣстомъ чтеца и прочитать хотя зачала два, три. Прочіе въ безмолвіи сидѣли, стояли; иные съ благоговѣніемъ подходили и прикладывались къ плащаницѣ. Въ офицерской каютѣ—компаніи собрались пѣвчіе и началась спѣвка. Медленно подвигалась часовая стрѣлка и чѣмъ ближе подходила къ 12 часамъ, тѣмъ напряженнѣе какъ—то становилось ожиданіе всѣхъ... Когда приближается Св. Пасхальная ночь, сердце каждаго наполняется самымъ сладостнымъ благоговѣйнымъ настроеніемъ—всѣ ждуть радостнаго желаннаго момента, когда до слуха каждаго достигнетъ радостное привѣтствіе «Христосъ воскресе»! Но это испытывается тогда, когда мы дома, въ кругу своей семьи, своихъ родныхъ. То ли же самое чувствуется тогда, когда человѣкъ эту спасительную ночь встрѣчаетъ совершенно оторваннымъ отъ семьи, отъ родныхъ и не только въ чужой странѣ, но въ водахъ безбрежнаго океана, ввѣривши себя «малому древу»... Нужно сказать, что здѣсь высокія, наполняющія душу чувства, отчасти парализуются превосходящими другими чувствами—это своимъ одиночествомъ и невольно вызываемыми впечатлѣніями и воспоминаніями прошлаго, когда—то въ эти дни радостно прожитаго...

Время приближалось къ 12 часамъ. Началась полунощница, по окончаніи которой всѣ безмолвно ожидали крестнаго хода—встрѣчи воскресшаго Спасителя. При стройномъ пѣніи «Воскресеніе твое, Христе Спасе» медленно и торжественно двинулось шествіе кругомъ пассажирской рубки. При темнотѣ тропической ночи, спокойномъ состояніи океана, при колыхающемся пламени восковыхъ свѣчъ, шествіе это представляло своеобразную трогательную картину. На условномъ мѣстѣ шествіе остановилось, послѣдовала «встрѣча Христа» и по возвращеніи во «храмъ» богослуженіе началось обычнымъ порядкомъ. Утренняя продолжалась около часу, за нею тотчасъ послѣдовала литургія. На другой день праздника мы пришли въ Сингапуръ. Здѣсь я имѣлъ случай побывать на христіанскомъ кладбищѣ и помолиться на могилахъ русскихъ моряковъ, которымъ суждено было найти мѣсто упокоенія на сингапурскомъ кладбищѣ.

2. *Общая молитва.*

Общая молитва совершалась одновременно на носовой части парохода, и на кормѣ. Пѣли обыкновенно «Царю небесный, Отче нашъ, Спаси, Господи, люди твоя и Достойно,» начиная съ Пасхи—Христось воскресе и стихиры Пасхи. Обѣдъ и ужинъ всегда предварялись пѣніемъ молитвы. Въ общей каютѣ—комнатѣ также начинались молитвой и благословеніемъ «ястія и питія» священникомъ. Этотъ похвальный обычай такъ твердо укоренился на «Саратовѣ», что бывало иногда запоздаешь къ звонку на завтракъ или обѣдъ, то тотчасъ же является за тобой посолье..

Время для общей вечерней молитвы назначалось въ 7^{1/2} часовъ, послѣ пробитія зори.

3. *Собесѣдованія и чтеніе книгъ.*

Въ нынѣшнемъ году я постарался ввести внѣ—богослужебныя собесѣдованія. Такихъ собесѣдованій до Пасхи и послѣ Пасхи было нѣсколько. Для этого собирались обыкновенно на носовой части парохода, гдѣ совершалась общая молитва. Я помѣщался на ступенькѣ лѣстницы, ведущей на спордекъ, или надъ трюмомъ, для чего съ одной стороны выдвигалось нѣсколько прикрывающихъ его досокъ и на этой импровизированной каедрѣ происходила наша бесѣда;—слушатели находились кругомъ—кто стоялъ, кто сидѣлъ, кому какъ было удобнѣе. Предметомъ бесѣдъ было до Пасхи—последніе дни земной жизни Спасителя, а послѣ Пасхи—пребываніе Иисуса Христа на землѣ отъ воскресенія до вознесенія Его на небо. Въ эти бесѣды я иногда вводилъ катихизацію какъ для возбужденія и поддержанія вниманія, такъ и для испытанія—насколько слушатели знакомы съ истиннами вѣры. По удовлетворительности отвѣтовъ особенно выдавались обучавшіеся въ школахъ. Замѣтно было, что солдатики со вниманіемъ слушали мои бесѣды и, по окончаніи, каждый разъ выражали свою благодарность. Что касается чтенія книгъ, то, по примѣру прошедшаго года, въ Одессѣ я опять запасся книжками и брошюрками религіозно-нравственнаго содержанія. Также какъ и въ прошломъ году книжки эти выдавались для прочтенія солдатамъ и потомъ возвращались мнѣ. Нѣкоторыхъ грамотныхъ ¹⁾ прихо-

¹⁾ Во всей партіи грамотныхъ было около 400 челов.

дилось видать съ собственными книжками патріот. содержанія. Нѣкоторые же, какъ я замѣтилъ, имѣли новый завѣтъ и свободное время посвящали на чтеніе Евангелія.

Предъ приходомъ во Владивостокъ являлся было ко мнѣ одинъ солдатъ-еврей съ изъявленіемъ желанія принять крещеніе, но онъ оказался какимъ то страннымъ субъектомъ,—какъ будто душевно-больнымъ, что, впрочемъ, подтвердили мнѣ и врачи; я далъ ему нѣсколько книжекъ и посоветовалъ по прибытіи въ назначенный баталіонъ, обратиться съ изъявленіемъ своего намѣренія священнику, завѣдующему баталіономъ.

4. Церковное имущество и отчетность.

На нынѣшній рейсъ утварью, всѣми богослужебными принадлежностями и богослужебными книгами «Саратовъ» снабженъ былъ отъ конторы Добровольнаго флота. Въ ризницѣ Одесскаго архіерейскаго дома, гдѣ обыкновенно хранятся богослужебные ящики, заведенные собственно для отправляемыхъ на судахъ Д. ф. войскъ, не оказалось ни одного ящика, они выданы были іеромонахамъ, командированнымъ на пароходы: «Кострома» и «Петербургъ». Не оказалось и «Саратовскаго ящика», который въ прошедшемъ году мною приведенъ былъ въ порядокъ. Завязалась неизбежная переписка между управленіемъ Одесскаго воинскаго начальника и конторою Д. ф., что доставило и мнѣ не мало хлопотъ. Наконецъ, за день, кажется, до отхода, церковныя вещи и книги мною изъ склада Д. ф. были приняты, отправлены на пароходъ и включены въ пароходный инвентарь. Св. антминсъ выданъ былъ изъ ризницы Одесскаго кафедральнаго собора. Не достатка ни въ чемъ не ощущалось. Въ дополненіе къ церковной утвари мною пріобрѣтено было только два ковшичка для теплоты, одинъ мельхіоровый въ счетъ суммы, ассигнованной на церковныя потребности, и другой серебрянный на собственный счетъ. Первый при рапортѣ и отчетѣ въ израсходованіи суммы на церковныя потребности препровожденъ былъ въ управленіе воинскаго начальника вмѣстѣ съ имѣющимися въ запасѣ вѣнчиками и листами разрѣшительной молитвы для умершихъ. На церковныя потребности изъ управленія Одесскаго воинскаго начальника выдано было мнѣ 50 рублей. Для записи расхода мною заведена была особая тетрадь, куда и вписывались расходующіяся деньги, съ приложеніемъ къ каждой статьѣ

оправдательныхъ документовъ, или росписокъ. Остатка отъ ассигнованной суммы не было, такъ какъ въ виду дней страстной недѣли и Пасхи заготовлено было достаточное количество восковыхъ свѣчъ. Исповѣдные списки велись нынѣ мною по частямъ войскъ, смотря по назначенію новобранцевъ. Это дало возможность препроводить потомъ каждый исповѣдный списокъ въ тѣ баталіоны и роты, куда кто слѣдовалъ. Гг. офицерамъ, сопровождавшимъ партію и исполнившимъ долгъ исповѣди и св. причастія во время плаванія, я выдавалъ особыя удостовѣренія.

Заключительныя соображенія, высказанныя мною въ замѣткахъ за прошлый годъ касательно урегулированія времени солдата во время длиннаго плаванія, въ нынѣшнее плаваніе отъ слова перешли отчасти въ дѣло. Въ первые же дни плаванія я высказалъ свои соображенія эшелонному командиру относительно жизни солдата на морѣ и снабдилъ его даже № 13, «В. В. Д.», гдѣ напечатаны были мои замѣтки. Можетъ быть на основаніи своихъ личныхъ соображеній, а можетъ быть принимая во вниманіе и мои указанія, вскорѣ же каждое утро заведено было фронтовое ученіе отдѣльнымъ частямъ партіи, гимнастика и т. п., насколько, конечно, позволяла свободная площадь парохода. Установлено было пѣніе молитвы предъ обѣдомъ и ужиномъ, а вечерняя молитва совершалась крестъ носовой части и на кормовой, въ трюмахъ которой помѣщалась вторая половина партіи. Урегулировано было также и веденіе моихъ бесѣдъ съ солдатами. Вообще надобно отдать полную справедливость г. эшелонному командиру: онъ по возможности старался оказывать мнѣ во всемъ свое содѣйствіе, участвовалъ даже на спѣвкахъ и пѣлъ съ солдатами, но надобно сознаться, что на нѣкоторыя обычныя вещи смотрѣлъ слишкомъ строго-формально. Такъ, напр., когда онъ узналъ изъ моихъ печатныхъ замѣтокъ, что я оказалъ содѣйствіе солдатикѣ къ написанію и отправкѣ письма на родину, то въ разговорѣ выразился, что онъ такого солдата подвергъ бы взысканію за то—зачѣмъ онъ при отправкѣ письма миновалъ свое начальство, которое ему вмѣсто отца... Понятно, возраженія были излишни.

Теперь позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о положеніи священника на суднѣ. Собственно служебная рамка священника не широка, но отъ него самого зависитъ сдѣлать ее шире, была бы только охота. Относятся на судахъ вообще къ священнику съ уваженіемъ, конечно это уваженіе пропорціонально тому, на сколько самъ себя сумѣетъ поставить священникъ.

Какъ и вездѣ, а на суднѣ пожалуй въ особенности священнику надобно имѣть и мудрость змиину, и кротость голубину, и быть всегда готовымъ всякому вопрошающему дать отвѣтъ. Я лично убѣдился, что въ массѣ пассажировъ не мало встрѣчается интеллигентныхъ лицъ, которые ищутъ бесѣды съ священникомъ и въ этихъ бесѣдахъ проявляется не злокозненная пылливость какая-нибудь, а именно любознательность, обильнъ мыслей, а иногда и желаніе разрѣшить недоумѣнные вопросы ¹⁾.

Обратный путь въ Одессу.

«Саратовъ», благодаря сложившимся обстоятельствамъ, долженъ былъ измѣнить росписаніе своего рейса и взять на себя рейсъ «Петербурга», прибывшаго во Владивостокъ первымъ изъ судовъ Д. ф. въ весну 1895 года. Поспѣшно разгрузившись, «Саратовъ», минуя Нагасакскій портъ, направился прямо въ Китай, въ Ханькоу, чтобы тамъ принять своевременно грузъ первосборнаго чая, приготовленный для «Петербурга». Вышедши изъ Владивостока 25-го апрѣля, мы 3-го мая прибыли въ Ханькоу. Ханькоу находится на лѣвомъ берегу Ян-це-кіанга, въ 600 миль отъ его устья и представляетъ изъ себя чайный рынокъ. Здѣсь между европейскими торговыми домами пять русскихъ чайныхъ фирмъ. Благодаря усердію представителей этихъ фирмъ, Ханькоу украшается каменнымъ православнымъ храмомъ, построеннымъ на благопріобрѣтенномъ участкѣ земли. Правда, храмъ не отличается грандіозностію и теряется въ окружающихъ его садахъ и паркахъ, но за то внутри отличается благолѣпіемъ и, можно сказать, художественнымъ вкусомъ. Дубовый иконостасъ съ иконами и нѣкоторыя вещи изъ церковной утвари пріобрѣтены купечествомъ на бывшей въ 1882 году всероссійской выставкѣ въ Москвѣ. Особеннаго штата причта при Ханькоуской церкви нѣтъ, здѣсь проживаетъ одинъ изъ членовъ нашей Пекинской духовной миссіи іеромонахъ, который и исполняетъ обязанности священника. Обязанности псаломщиковъ и пѣвчихъ исполняютъ служащіе при фирмахъ. Къ чести ихъ нужно сказать, что они съ любовію и усердіемъ

¹⁾ Припоминаю—одинъ военный полковникъ, видимо интересующійся богословской литературой и много читавшій, однажды, между прочимъ, спрашиваетъ меня: «почему для спасенія рода человѣческаго непременно требовалось, что бы Сынъ Божій сошелъ на землю и пострадалъ на крестѣ?»

исполняютъ принятыя на себя церковныя обязанности и, когда бываютъ въ сборѣ, не дурно исполняютъ пѣснопѣнія по партесной нотѣ. Низшіе церковныя служители—крещеные китайцы. Я былъ удивленъ, когда пришелъ къ о. іеромонаху (члену миссіи). Меня встрѣтилъ китаецъ, отворившій мнѣ двери. Только что я успѣлъ по входѣ помолиться, какъ это обычно, китаецъ подошелъ ко мнѣ на благословеніе, да при томъ такъ истово, что не всякій нашъ русскій православный такъ подходитъ. Впрочемъ, потомъ объяснилось, что этотъ китаецъ (женатый) рожденъ уже отъ православныхъ родителей. Явилось, по призову о. іеромонаха, еще двое мальчиковъ-китайцевъ за благословеніемъ; оба они довольно сносно владѣютъ русскимъ языкомъ. Китайцы привезены въ Ханькоу о. членомъ миссіи изъ Пекина, О. миссіонеръ Амфилохій (Щипуновъ) радушно, по братски, принялъ меня. Онъ оказался изъ питомцевъ Петербургской семинаріи; въ Китаѣ находится уже около 10 лѣтъ, въ Ханькоу же живетъ около года. Онъ помѣщается въ церковномъ домѣ тутъ же около церкви, въ церковномъ скверѣ. Церковный домъ на столько помѣстителенъ, что нижній этажъ и часть верхняго занимаетъ русскій консулъ. Къ намъ присоединился еще старецъ іеромонахъ Г., возвращавшійся на «Саратовъ» изъ Владивостока. Онъ сопровождалъ туда на пароходѣ «Хабаровскъ», построенномъ собственно для Владивостока, переселенцевъ. Такъ какъ съ прибытіемъ пароходовъ Д. ф. въ Ханькоу за чаемъ начинается самое горячее рабочее время при фирмахъ, не исключая даже праздниковъ¹⁾, то богослуженіе не посѣщается почти никѣмъ, особенно всенощныя бдѣнія. Поэтому въ наступившіе праздничные дни намъ самимъ пришлось исполнять и обязанности на клиросѣ. Въ праздникъ Вознесенія у насъ составилось соборное служеніе втроемъ, событіе рѣдко бывавшее въ Ханькоускомъ храмѣ. Литургію пѣла пароходная команда «Саратова» при участіи старшаго механика г. Ляпунова.

Дальнѣйшій обратный путь до Одессы не представлялъ никакихъ особенностей, вообще онъ скучноватъ и болѣе утомителенъ. Для священника

¹⁾ У Англичанъ не такъ: у нихъ праздничный день, день молитвы и отдыха. Въ передній путь въ Ханькоу мы пришли въ Чи-ки-ангъ послѣ 6 ч. вечера въ субботу и, для исполненія известныхъ судовыхъ обрядностей и пропуска далѣе, должны были стоять на якорѣ до 10 ч. утра понедѣльника, такъ какъ прибрежныя таможенныя власти англичане.

тутъ только одно дѣло—служба по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, да и то не всегда. Нынѣ, напр., выдался такой рейсъ, что во время муссона въ Индійскомъ океанѣ насъ качало около двѣнадцати дней, до самого Адена.

Священникъ Григорій Левитскій.

Изъ воспоминаній бывшего воспитанника Армейской духовной семинаріи.

(Окончаніе).

Приведемъ отзывъ Іосифа Акимовича о другихъ своихъ профессорахъ, память о которыхъ сохранилась до настоящаго времени въ старѣйшихъ представителяхъ петербургскаго духовенства. «Соученикъ Павскаго, протоіерей Акимъ Семеновичъ Кочетовъ, ординарный профессоръ исторіи, преподавалъ намъ въ низшемъ отдѣленіи русскую исторію по своимъ запискамъ, а въ высшемъ отдѣленіи церковную исторію по печатному руководству, составленному Иннокентіемъ Пензенскимъ, исправленному и дополненному имъ самимъ. Это былъ самый любимый нашъ профессоръ. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ слушали превосходныя его лекціи, особенно, когда онъ проходилъ съ нами эпоху папъ, тогда онъ особенно былъ краснорѣчивъ и увлекателенъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ я пользовался особеннымъ его вниманіемъ и благоволеніемъ, за что питаю къ нему въ душѣ живѣйшую признательность. Служа при академіи, Кочетовъ одновременно преподавалъ богословіе въ Царскосельскомъ лицей и тамшнія свои лекціи напечаталъ подъ заглавіемъ «Черты дѣятельнаго христіанскаго ученія», за которое получилъ степень доктора богословія».

Съ похвалою и признательностію отзывается Іосифъ Акимовичъ и еще о двухъ своихъ преподавателяхъ: инспекторъ академіи, архимандритъ Іоаннъ Доброзраковъ и бакалавръ, іеромонахъ Смарагдъ (Крыжановскомъ). «Іоаннъ, въ послѣдствіи архіепископъ Новочеркасскій, докторъ богословія, самую большую и существенную пользу оказалъ намъ въ составленіи проповѣдей и самъ былъ отличный проповѣдникъ. Онъ обыкновенно вечеромъ призывалъ въ свою квартиру студента, написавшаго проповѣдь, и съ нимъ, иногда до полуночи занимался ея исправленіемъ, строго критикуя ее по всѣмъ правиламъ герменевтики, логики и словесности, порицая излишнее

риторство и фразерство, въ особенности игру размашистой фантазіи и требую порядка въ мысляхъ и чистоты языка. Часто окритикованную такимъ образомъ проповѣдь онъ заставлялъ студента вновь передѣлать и представить ему на исправленіе.

Для слушанія лекцій по предмету чтенія Священнаго Писанія всѣ студенты обоихъ отдѣленій собирались въ одинъ классъ. Этотъ предметъ, со времени поступленія моего въ академію, читалъ бакалавръ, іеромонахъ Смарагдъ, который впослѣдствіи занималъ епископскія кафедръ въ разныхъ епархіяхъ и наконецъ былъ архіепископомъ Рязанскимъ. Лекціями его мы всѣ были довольны. Рассказывали о его странныхъ, причудливыхъ поступкахъ, когда онъ былъ архипастыремъ, но мы знали его только какъ разумнаго преподавателя; намъ не нравилось только особенное, пристрастное отношеніе его къ нѣкоторымъ товарищамъ нашимъ — студентамъ. Одному изъ любимыхъ имъ студентовъ IV курса, посредственному по успѣхамъ, онъ написалъ проповѣдь, которая, конечно, была очень хороша и назначена для напечатанія въ опытѣ студенческихъ сочиненій. Товарищи, не любившіе этого студента, отыскали собственно ручную рукопись Смарагда и представили ректору Григорію, который тотчасъ велѣлъ взять проповѣдь изъ типографіи, а Смарагду далъ такую головомойку, что онъ нѣсколько времени ходилъ, какъ помѣшанный».

Затѣмъ Іосифъ Акимовичъ рассказываетъ объ одномъ бакалаврѣ, іеромонахѣ Игнатіѣ, который былъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ архіепископомъ Воронежскимъ и умеръ въ Петербургѣ въ 1852 году. Пишущій эти строки до 1852 года учился въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ и смутно помнитъ архіепископа Игнатія, когда онъ пріѣзжалъ на экзаменъ въ духовное училище. Это былъ довольно полный, широкоплечій старецъ ниже средняго роста, съ сѣдою бородою. Суровое выраженіе лица, грозный взглядъ, отрывистая, повелительная рѣчь, — все внушало страхъ не только ученикамъ, но и учителямъ при появленіи владыки. На воронежскую кафедру онъ назначенъ былъ изъ Уфы, на мѣсто кроткаго и благочестиваго архіепископа Антонія, благочестіе котораго доселѣ чтутъ обитатели Воронежской губерніи. Слухи о строгости преосвященнаго Игнатія предшествовали его прибытію въ Воронежъ. Въ то время въ нашемъ духовенствѣ ходила даже стоустая молва, будто какой-то сельскій священникъ хотѣлъ лишить себя жизни изъ опасенія подвергнуться грозному суду Игнатія. Глубоко врѣзалась въ моей памяти одна сцена на экзаменѣ: владыка

самъ экзаменовалъ по греческому языку; ученикъ допустилъ грубую ошибку и, когда учитель, священникъ Симоонъ Поповъ, поправляя ученика, самъ отъ страха началъ путаться, инспекторъ Св—овъ, родственникъ о. Попова, изъ-за его спины сталъ тихо подсказывать, что нужно было говорить. Такую продѣлку скоро замѣтилъ грозный архіерей и въ порывѣ раздражительности закричалъ инспектору: «какъ ты смѣешь подсказывать! Пусть онъ (учитель) отвѣчаетъ за себя,—оба вы точно мальчишки—школяры. Стыдно вамъ!» Понятно, что весь экзаменъ происходилъ подъ самымъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Архіепископъ Игнатій и въ Уфѣ и въ Воронежѣ былъ сильнымъ и опытнымъ борцомъ съ расколомъ, написалъ противъ раскольниковъ не мало весьма дѣльныхъ сочиненій и многихъ обратилъ къ православію.

Объ этомъ то грозномъ архипастырѣ вотъ что говорить въ своихъ «воспоминаніяхъ» І. А. Самчевскій: «Былъ у насъ еще одинъ бакалавръ, іеромонахъ Игнатій, который по своимъ знаніямъ могъ бы принести студентамъ дѣйствительную пользу, но вмѣсто того онъ только возбудилъ противъ себя ихъ нерасположеніе. Игнатій не получилъ академическаго образованія, кончилъ только курсъ въ архангельской семинаріи, и тамъ былъ учителемъ греческаго языка, который онъ зналъ основательно. Когда въ академіи потребовался особый преподаватель греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи, то бывшій прежде Іоанна инспекторъ Нафанаилъ рекомендовалъ земляка своего Игнатія, и онъ вызванъ былъ въ академію преподавать греческій языкъ. Въ скоромъ времени онъ сдѣланъ былъ магистромъ по экзамену въ закрытой конференціи. Затѣмъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Игнатій, какъ магистръ, сдѣланъ бакалавромъ по предмету чтенія Священнаго Писанія.

Вотъ тутъ то и открылась вся его непригодность. Когда онъ началъ составлять и читать свои лекціи студентамъ, лекціи были ни что иное, какъ беспорядочныя выписки изъ толковниковъ Свящ. Писанія, изложенныя какимъ то тарабарскимъ языкомъ, который мы назвали языкомъ Телемахида. Къ счастью, Игнатій не долго томилъ насъ своими наставленіями, вскорѣ вызванъ былъ изъ Московской академіи отличный бакалавръ Азбукинъ, въ которомъ мы имѣли преподавателя, достойнаго всякаго уваженія. Но отъ Игнатія мы всетаки не избавились. Ректоръ Григорій, много занятый своими обязанностями по Академіи, по званію викарія и по дѣламъ Комиссіи духовныхъ училищъ, самъ уже не могъ преподавать намъ догматическаго богословія и передалъ свои записки Игнатію, чтобы онъ продолжалъ по нимъ

читать намъ лекціи. Ничего не было бы для насъ непріятнаго, если бы Игнатій былъ только чтецомъ. Но онъ сталъ пускаться въ объясненія, которыя были для насъ не нужны; многіе изъ насъ лучше его знали догматику; болѣе смѣлые и бойкіе стали дѣлать ему возраженія, которыхъ онъ не въ состояніи былъ опровергнуть, горячился и приходилъ втупикъ. Но среди товарищей нашихъ оказался его горячій защитникъ, студентъ Левицкій, изъ Новгородскихъ семинаристовъ, весьма способный и съ крѣпкою головой. Еще въ низшемъ отдѣленіи онъ былъ замѣченъ въ вольномысліи, за что мы и называли его внукомъ Марфы Посадницы. Начальство стало понижать его въ спискахъ. Левицкій сталъ осторожниже и зная, что Игнатій пользуется расположеніемъ Григорія, началъ къ Игнатію подлаживаться и угодилъ ему своею защитою противъ нашихъ возраженій.

Послѣ чтенія догматики намъ положено было слушать каноническое право, которое въ академіи до того времени не преподавалось. Вѣроятно, между бакалаврами не было спеціалиста преподавать эту науку. Игнатій же не имѣлъ тогда опредѣленныхъ занятій, и Григорій поручилъ ему читать намъ каноническое право. Такимъ образомъ Игнатій явился уже самостоятельнымъ между бакалаврами преподавателемъ, яко Саулъ во пророцѣхъ. Опять, только еще съ большею ревностью, сталъ онъ морочить наши головы своими лекціями. Лекціи эти наполнены были длинными выписками изъ отцевъ Церкви безъ всякаго систематическаго порядка и украшены фризологією.

Мы пытались было приводить въ порядокъ эти несвязные отрывки, но такъ какъ изъ нихъ не выходило ничего путнаго, то согласились между собою выучивать Игнатіевскія лекціи слово въ слово. Цѣлью нашего умысла было то, чтобы на ревизорскомъ экзаменѣ показать Филарету достоинство лекцій Игнатія. Но Игнатію представился удобный случай причинить намъ досаду. Левицкій болѣе и болѣе приходилъ въ фаворъ у Игнатія, а этотъ рекомендаціями своими поселилъ въ Григорія лучшее о немъ мнѣніе. Время приближалось къ окончанію нашего курса; нужно было выбрать изъ студенческихъ сочиненій лучшее для напечатанія въ опытахъ. Григорій въ это время заболѣлъ и не могъ сдѣлать выборъ, а потому поручилъ онъ Игнатію съ тѣмъ, чтобы онъ выбранное сочиненіе исправилъ. Игнатій не задумался отдать предпочтеніе разсужденію Левицкаго объ Ангелъ-Хранителѣ, тогда какъ были другія сочиненія лучшихъ студентовъ превосходише. Игнатій, исправляя трудъ Левицкаго, со всѣмъ его испортилъ.

Тогда Григорій увидѣлъ свою ошибку и упросилъ инспектора Іоанна какъ нибудь поправить дѣло. Іоаннъ раздѣлялъ вполне наше негодованіе на Игнатія. Три товарища наши, посвященные въ монашество, обѣдавшіе вмѣстѣ съ инспекторомъ и другими монашествующими бакалаврами, говорили намъ, что за столомъ Іоаннъ часто вступалъ въ богословскіе споры съ Игнатіемъ и, сбивалъ его съ толку, то заставляя его согласиться съ своимъ мнѣніемъ, то доказывая несправедливость этого мнѣнія, котораго Игнатій не умѣлъ опровергнуть. Получивъ отъ Григорія сочиненіе Левицкаго для исправленія, онъ разсердился на Игнатія и спрашивалъ его, зачѣмъ онъ взялся не за свое дѣло, котораго совѣтъ не разумѣетъ? Игнатій въ свою защиту только отвѣчалъ ему: вскую совѣсть моя судится отъ инья совѣсти. За всеѣмъ тѣмъ Іоаннъ поправилъ разсужденіе Левицкаго, и оно было напечатано и читано самимъ Левицкимъ на публичномъ экзаменѣ предъ многочисленною публикою, что составило ему карьеру. Но этою карьерою Левицкій воспользовался не къ добру. По окончаніи курса со степенью магистра, онъ былъ назначенъ инспекторомъ и профессоромъ философіи въ Орловскую семинарію; тамъ вскорѣ предался пьянству, увлекъ къ тому же пороку пріѣхавшаго туда съ нимъ на должность учителя товарища своего Вазнина и въ бѣлоу отъ пьянства горячкѣ зажегъ семинарскій домъ, а себя зарѣзалъ. Видно несчастный не подумалъ объ Ангелѣ Хранителѣ, о которомъ онъ писалъ разсужденіе въ академіи».

Въ іюнѣ 1823-го года Іосифъ Акимовичъ окончилъ курсъ академіи и въ томъ же году, получивъ степень магистра, былъ назначенъ на должность профессора Черниговской духовной семинаріи. Выпускной экзаменъ происходилъ при особенно-торжественной обстановкѣ; тутъ присутствовали министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, извѣстный государственный дѣятель, М. М. Сперанскій, престарѣлый митрополитъ католическихъ церквей въ Россіи — Богутъ Сестренцевичъ, Петербургскій владыка — митрополитъ Серафимъ, Московскій архіепископъ Филаретъ и вся корпорація академіи. До какой степени Филаретъ уже въ то время пользовался за свою глубокую ученость всеобщимъ уваженіемъ въ духовномъ мірѣ, видно изъ того, что «на экзаменѣ больше всѣхъ говорилъ Филаретъ, котораго присутствующіе слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы своего наставника. Вмѣшивался и Петербургскій митрополитъ Серафимъ при богословскихъ преніяхъ, сыпалъ текстами изъ Свя-

шеннаго Писанія и, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него Филарету, спрашивалъ: вѣдь такъ, преосвѣщенный? Филаретъ давалъ свои объясненія, въ которыхъ бывалъ иногда другой смыслъ, а Серафимъ говорилъ: вотъ такъ точно и я думалъ. Сперанскій молча слушалъ собесѣдованія, только разъ потребовалъ себѣ еврейскую библію и показывалъ въ ней что то Филарету». Самчевскій описываетъ наружность Филарета за это время съ слѣдующихъ словахъ: «наружностію своею онъ никого не озадачивалъ, ростомъ онъ былъ ниже средняго, тѣломъ худощавъ, лицомъ благовиденъ, съ нѣкоторою улыбкою на устахъ, съ окладистою черною бородой; голосъ его былъ благозвученъ и всегда спокоенъ; рѣчь его была правильна, какъ бы отчеканена въ форму готовую въ печать въ моментъ ея произнесенія. Но въ искрившихся его глазахъ проявлялась проникающая, испытующая сила: мы не могли смотрѣть на него прямо, когда предъ нимъ отвѣчали»¹⁾).

При окончаніи курса отъ студентовъ потребовали двѣ подписки: одну въ томъ, что они не будутъ принадлежать ни какому тайному обществу, а въ другой должны были написать, въ какое званіе они намѣрены поступить по выходѣ изъ академіи. Изъ студентовъ того времени въ послѣдствіи особенно вы дѣлились по служебному своему положенію: Арсеній Москвинъ, митрополитъ Кіевскій, архіепископы Гедеонъ Вишневскій, служившій въ Полтавѣ, Θεодотій Озеровъ Симбирскій, Виталій Щепетевъ, бывшій ректоромъ Петербургской академіи въ 40 годахъ и вакаріемъ московскимъ, В. Б. Бажановъ, Духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Его заботами устроена Николаевская Богодѣльная Гвардейскаго духовнаго вѣдомства по Воскресенскому проспекту²⁾).

Этими строками мы могли бы кончить воспоминанія Іосифа Акимовича о его академическомъ образованіи и вообще о нашей академіи; но въ слѣдующей, X главѣ его «Воспоминаній» сообщаются, хотя и по слухамъ, такія интересныя, захватывающія вниманіе свѣдѣнія «о состояніи академіи во время слѣдующаго шестого выпуска», что мы считаемъ необходимымъ подѣ-

¹⁾ Составитель настоящей статьи въ 1865 году служилъ полковнымъ священникомъ въ составѣ 1-й Гренадерской дивизіи, расположенной тогда въ Москвѣ, и однажды въ числѣ другихъ полковыхъ священниковъ представлялся знаменитому митрополиту Филарету. Необычайный блескъ глазъ, въ одряхлѣвшемъ уже старцѣ и тогда поразилъ всѣхъ насъ.

²⁾ Въ «Воспоминаніяхъ» Самчевскаго Василій Борисовичъ ошибочно названъ кавалеровъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Этого ордена онъ не имѣлъ, но награжденъ былъ драгоцѣнными портретами трехъ государей: Николая I-го, Александра II-го и Александра III-го.

литься ими со своими читателями. Будемъ говорить собственными словами достопочтеннаго І. Ак. Самчевскаго: «Окончаніемъ нашего курса заключился счастливый періодъ жизни Петербургской духовной академіи. Студентамъ шестого выпуска пришлось потерпѣть великую невзгуду. Всѣмъ извѣстно, какую власть въ старые годы имѣли епархіальные архіереи надъ состоявшими въ ихъ вѣдѣніи семинаріями. Бывали случаи, что они отдавали учениковъ старшихъ классовъ въ солдаты. Когда въ 1809 году послѣдовало преобразование духовной учебной части, власть епархіальныхъ архіереевъ надъ училищами была значительно ограничена; учреждена была «Комиссія духовныхъ училищъ» при Св. Синодѣ для поднятія духовно-учебной части въ Россіи. Такими новыми порядками епархіальные архіереи были не довольны. Но академіи были обезпечены въ своихъ правахъ, пока князь Голицынъ оставался министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и пока Филаретъ лично присутствовалъ въ Св. Синодѣ и въ Комиссіи духовныхъ училищъ, гдѣ онъ имѣлъ сильный и часто рѣшающій голосъ. Въ 1824 и 1825 годахъ обстоятельства переимѣнились. Министерствомъ народнаго просвѣщенія пропущена были изъ за границы въ Россію какая то книга, противная христіанскую вѣроученію. Извѣстный архимандритъ Фотій убѣдилъ митрополита Серафима отправиться прямо во дворецъ съ означенною книгою и умолить Его Величество о защитѣ вѣры и Церкви. Государь, не задолго предъ тѣмъ повелѣвшій закрыть всѣ масонскія ложи въ Петербургѣ и по всей Россіи, уволилъ князя Голицына отъ обоихъ министерствъ. Митрополитъ Серафимъ, не расположенный къ новому образованію, сдѣлался тогда первоприсутствующимъ въ Св. Синодѣ, гдѣ съ нимъ засѣдали въ то время Кіевскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) и Ярославскій архіепископъ Авраамій, ненавистники академіи. Филаретъ находился въ то время въ Москвѣ и терпѣлъ огорченія отъ своихъ завистниковъ, успѣвшихъ въ томъ, что повелѣно было пріостановить печатаніе его катихизиса, за сочиненіе котораго онъ получилъ высочайшую награду и грамоту отъ Св. Синода. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ студенты VI-го выпуска оканчивали свое ученіе въ академіи. Въ Петербургѣ защитникомъ ихъ одинъ только ректоръ Григорій, но онъ былъ тогда только викаріемъ, подвластнымъ митрополиту Серафиму и ему то первому, а потомъ и студентамъ нанесенъ былъ ударъ отъ противниковъ новаго образованія. За нѣсколько времени до окончанія курса нужно было по положенію шить выпускнымъ студентамъ фраки. Когда Григорій доложилъ о томъ Комиссіи духовныхъ училищъ, митропо-

лить Серафимъ сказалъ, что при этомъ случаѣ нужно посудить о самой академіи и, обратясь къ митрополиту Кіевскому Евгенію, спросилъ его, какъ онъ о ней думаетъ? Евгеній отвѣчалъ, что онъ недавно сдѣлался членомъ Комиссіи и потому не можетъ сказать своего мнѣнія. Я васъ уполномочиваю, сказалъ Серафимъ. Тогда Евгеній началъ спрашивать Григорія: сколько въ прошедшемъ курсѣ выпущено магистровъ? — Двадцать пять, отвѣчалъ Григорій. — Сколько напечатано было большихъ студенческихъ сочиненій? — Одно. — Почему не двадцать пять? — Потому, что въ опытахъ печатались только немногія, написанныя при экзаменахъ сочиненія, а на изданіе нѣсколькихъ томовъ студенческихъ сочиненій академія не имѣла средствъ. — Слѣдовало бы обратиться къ Комиссіи, которая не пожалѣла бы на то денегъ. Далѣе Евгеній спрашивалъ: по какому печатному руководству читается догматическое богословіе? Григорій отвѣчалъ, что печатнаго удовлетворительнаго по этому предмету руководства не имѣется, и что онъ читалъ богословіе по своимъ запискамъ, изъ которыхъ напечаталъ два трактата въ Христіанскомъ Читеніи. — Почему же вами до сихъ поръ не составлено и не напечатано полное руководство? — Потому что такой трудъ потребовалъ бы много досужаго времени, а я былъ занятъ многими другими должностями. — Вамъ бы слѣдовало отъ нихъ отказаться. — Я повиновался волѣ начальства, возлагавшаго на меня эти обязанности и теперь готовъ исполнять, что ему касательно меня будетъ угодно.

Огорченный такими укоризненными притязаніями, Григорій возвратился домой и на другой день въ классѣ сказалъ студентамъ, оканчивающимъ курсъ: Комиссія духовныхъ училищъ на васъ нападаетъ, требуя, чтобы всѣ студенты представили къ экзамену свои большія разсужденія. Объявляю вамъ, что кто изъ васъ не напишетъ такого сочиненія, не получитъ академической степени. Студенты сильно встревожились и начали усиленно работать надъ сочиненіями и въ то же время приготавливаться къ самому строгому испытанію. Большія разсужденія были ими написаны и отпечатаны въ пяти большихъ томахъ.

Неизвѣстно, былъ ли кто назначенъ ревизоромъ при частныхъ испытаніяхъ. Когда насталъ день публичнаго экзамена, Григорій самъ во время испытанія по богословскимъ предметамъ стоялъ предъ посѣтителями около первой партіи студентовъ, приказавъ своимъ бакалаврамъ сидѣть на своихъ мѣстахъ. Экзаменъ длился при молчаніи первенствующихъ посѣтителей; молчалъ и Евгеній, отъ котораго студенты ожидали возраженій. Наконецъ

митрополитъ Серафимъ сдѣлалъ выходку, совсѣмъ ему неудавшуюся. Когда одинъ студентъ, произнося трактатъ изъ гомилетики, сказалъ, что изъ словъ Моисея и ап. Павла, въ которыхъ они молятъ Господа Бога изгладить ихъ изъ книги живота, только бы Онъ пощадилъ вѣрующіихъ, можно выводить для проповѣди такую тему, что христіане должны жертвовать общему благу своимъ частнымъ благополучіемъ, Серафимъ сказалъ, что такихъ словъ Моисея и апостола Павла нельзя брать въ основаніе проповѣди, потому что они сказали ихъ въ нѣкоторомъ изступленіи. Григорій, выслушавъ это возраженіе, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли первоприсутствующіе, и, поклонившись митрополиту, твердымъ голосомъ сказалъ: простите меня, ваше высокопреосвященство, я привыкъ вѣровать и вѣрую, что боговдохновенные мужи всегда говорили по духу Божію и никогда ничего не говорили въ изступленіи разума. Серафимъ замолчалъ, и испытаніе по богословію кончилось. Григорій сталъ подносить членамъ Синода и другимъ важнѣйшимъ лицамъ экземпляры пятитомныхъ студенческихъ сочиненій, лежавшихъ предъ нимъ на столѣ. Когда посѣтители стали выходить изъ залы, Сперанскій подошелъ къ студентамъ, поздравилъ ихъ съ благополучнымъ окончаніемъ курса и сказалъ, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ ихъ испытаніе. Не смотря однакожъ на то, что затребованныя отъ студентовъ сочиненія были поданы, и на то, что успѣхи ихъ испытанія оказались достаточными, Комиссія духовныхъ училищъ опредѣлила никому изъ нихъ при выпускѣ изъ академіи не давать степени магистра и удостоивать ея только чрезъ два года тѣхъ, которые при отличныхъ аттестаціяхъ академіи будутъ представлены епархіальными архіереями съ одобрительными отзывами объ ихъ службѣ. Григорій оставилъ академію, будучи посланъ епископомъ въ Калугу».

Въ «Воспоминаніяхъ» Юсифа Акимовича сообщаются интересныя свѣдѣнія объ отреченіи отъ престола наслѣдника цесаревича Константина Павловича и разрѣшенія на присягу брату его Великому Князю Николаю Павловичу. По кончинѣ Императора Александра Благословеннаго всѣмъ стало извѣстно, что, кромѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и князя Голицына (А. Н.), одному только Филарету покойный Государь благоволилъ открыть государственную тайну и повелѣлъ ему хранить ее въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ и обнародовалъ ее, когда наступило къ тому время. Вышедъ изъ алтаря и держа надъ своею головою ковчегъ, въ которомъ находился пакетъ съ этою тайною, Филаретъ сказалъ предстоящимъ санов-

ниамкъ: внимайте, россияне; въ семь гробѣ скрывается послѣдняя воля Александра Благословеннаго. Двадцать пять лѣтъ вы исполняли ее и были счастливы; исполните ее въ послѣдній разъ» и прочее. Послѣ того поставилъ ковчегъ на приготовленномъ среди храма столѣ, отперъ его находившимся у него ключемъ, вынулъ пакетъ и, показавъ присутствующимъ не тронутую на пакетѣ печать и подпись покойнаго государя «вскрыть послѣ моей смерти», взломалъ пакетъ, вынулъ изъ пакета вложенные въ него документы и далъ сенатскому прокурору, чтобы онъ прочелъ. Въ числѣ документовъ находился и манифестъ, написанный по порученію государя Филаретомъ. По прочтеніи всѣхъ бумагъ началась въ соборѣ присяга Императору Николаю Павловичу, затѣмъ присягнула и вся Москва безъ всякаго волненія въ народѣ, который вѣрилъ, что владыка разрѣшилъ ему первую присягу и благословилъ на вторую. О такомъ совершеніи присяги Филаретъ увѣдомилъ государя въ письмѣ своемъ къ нему, на которое Его Величество отвѣтилъ рескриптомъ, изъявляющимъ Филарету его особенное благоволеніе, и при томъ прислалъ ему въ награду брилліантовый крестъ на клобукъ. Послѣ коронаціи, предъ которою Филаретъ встрѣтилъ государя съ своею знаменитою рѣчью, онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита Московскаго. Восходя на высшую іерархическую ступень, Филаретъ не забылъ поднять оставшагося въ Калугѣ ученика своего, Григорія, котораго забыли, или лучше сказать, не хотѣли включить въ сонмъ архіереевъ, предстоящихъ при коронаціи. Рассказывали, что во время обѣда которымъ Филаретъ угощалъ прибывшихъ въ Москву архіереевъ, прискакалъ отъ Государя курьеръ съ повелѣніемъ, что бы Филаретъ явился къ Его Величеству въ Петровскій дворецъ, поручивъ своему викарію вмѣсто себя быть хозяиномъ за столомъ. Государь спрашивалъ Филарета, сдѣлано ли надлежащее распоряженіе относительно церковнаго церемоніала при коронаваніи? Филаретъ отвѣчалъ, что при составленіи церемоніала въ Синодѣ онъ не присутствовалъ, и что по разсмотрѣннн такового, онъ находитъ одну только несоотвѣтственность, заключающуюся въ томъ, что въ порядкѣ предстоянія архіереевъ противъ одного изъ нихъ будетъ стоять духовникъ Его Величества, а не архіерей. Чтожъ, теперь уже нельзя поправить эту несоотвѣтственность? спросилъ Государь. Филаретъ отвѣчалъ, что если Его Величеству угодно будетъ, можно еще вызвать изъ Калуги епископа Григорія. Это тотъ Григорій, который былъ ректоромъ Петербургской духовной академіи? спросилъ Государь. — Тотъ самый, сказалъ Филаретъ. Такъ поспѣ-

шите его вызвать, сказалъ Государь. Филареть, возвратившись на свое подворье, засталъ у себя гостей и объявилъ имъ, что Его Величеству угодно, чтобы епископъ Григорій присутствовалъ при коронаціи, что не по сердцу пришлось его недоброжелателямъ, да нечего уже было дѣлать. Послѣ этого Григорій, отличенный вниманіемъ Государя, сталъ восходить на высшія іерархическія ступени въ санъ тверскаго архіепископа, вмѣстѣ съ Филаретомъ засѣдалъ въ Синодѣ, съ нимъ же вмѣстѣ священнодѣйствовалъ и при коронаціи Императора Александра II. Потомъ Григорій былъ возведенъ Государемъ въ санъ Петербургскаго митрополита. Учитель семью годами пережилъ своего ученика и, оставаясь въ Москвѣ, не смотря на случавшіяся неблагоприятныя для него обстоятельства, сохранилъ за собою великое значеніе для Церкви и Отечества до самой кончины своей, послѣдовавшей на 86-мъ году его жизни». Юсифъ Акимовичъ Самчевскій успѣшно окончилъ курсъ академіи въ 1823-мъ году и нѣкоторое время прожилъ въ домѣ оберъ-священника Державина въ качествѣ домашняго учителя его дѣтей. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ на должность профессора въ Черниговскую духовную семинарію, — мѣсто его родины. Здѣсь онъ съ честію прослужилъ 13 лѣтъ, занимаясь въ свободное отъ службы время обученіемъ дѣтей въ домахъ княжны Прозоровской, Черниговскаго губернатора Жукова, и другихъ именитыхъ гражданъ. Его воспоминанія о начальникахъ и наставникахъ Черниговской семинаріи того времени, семинарской дисциплинѣ и поведеніи воспитанниковъ, о проѣздѣ Императора Александра I и Императрицы Елисаветы Алексѣевны чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ въ 1825 году, о безуспѣшныхъ попыткахъ занять должность соборнаго протоіерея въ Новгородъ-Сѣверскъ вмѣстѣ съ должностью смотрителя духовнаго училища и законоучителя гимназіи, наконецъ о переходѣ его на службу въ министерство народнаго просвѣщенія и прохожденіи этой службы въ званіи сначала учителя, а потомъ инспектора разныхъ гимназій представляютъ собою значительный интересъ для сравненія нынѣшняго времени съ прошедшимъ. Но мы, въ виду обширности своей статьи, предназначенной для небольшого по объему духовнаго журнала, не находимъ возможнымъ дѣлать выписки изъ этихъ послѣднихъ воспоминаній Самчевскаго.

На старости лѣтъ Юсифъ Акимовичъ лишился всей своей семьи: сперва умерла жена его, дочь Новгородъ-Сѣверскаго протоіерея Ленковскаго, а затѣмъ и два сына его: Михаилъ, учитель Кіевской 2-й гимназіи, и Иванъ, инспекторъ той же гимназіи. Оставшись совершенно одинокимъ старцемъ,

онъ послѣдніе годы свои прожилъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, въ домѣ бывшаго сослуживца своего по гимназін, В. Д. Киселевича. За нѣсколько лѣтъ до смерти, послѣдовавшей въ 1887 году, онъ испыталъ одно изъ величайшихъ несчастій,—именно лишился совѣмъ зрѣнія и свои «Воспоминанія» уже слѣпой диктовалъ дѣтямъ Киселевича. Нѣтъ сомнѣнія, что его воспоминанія были бы несравненно богаче матеріаломъ, художественнѣе и занимательнѣе, если бы онъ не диктовалъ, а писалъ самъ отъ начала до конца.

Закончимъ настоящую статью прекрасными разсужденіями Іосифа Акимовича, высказанными по поводу составленія имъ своего «жизнеописанія». «Что такое жизнь наша въ этомъ мірѣ? Сцѣпленіе случайностей, вытекающихъ на долю того, или другого человѣка, скажетъ тотъ, кто смотритъ на одни факты, не обращая вниманія на взаимное ихъ отношеніе и связь, не отличая тѣхъ, которые были причиною отъ тѣхъ, которые сдѣлались ихъ послѣдствіями. Но судить такъ о явленіяхъ жизни человѣческой значило бы не признавать въ человѣкѣ слѣдовъ ума и воли, значило бы не допускать въ міроуправленіи разумнаго порядка, не вѣрить въ Промыслъ Божій. Стоить только каждому изъ насъ со вниманіемъ и чистою совѣстью прослѣдить событія прошедшей жизни своей, чтобы убѣдиться какъ въ томъ, что мы проявляемъ наши помыслы, пожеланія и дѣйствія, такъ и въ томъ, что есть въ мірѣ Промыслъ Божій, который, не нарушая нашей свободы, разными путями ведетъ насъ къ истинному нашему благу здѣсь и въ вѣчности.

Онъ благотворитъ намъ не только тогда, когда мы получаемъ отъ Него щедрые дары Его благости, но и тогда, когда подвергаетъ бѣдствіямъ и заключеніямъ, которыя посылаются людямъ добродѣтельнымъ для большаго ихъ нравственнаго совершенствованія, а порочнымъ—въ наказаніе за отступленіе отъ путей правды, дабы страданіями они вразумились и исправились. Какъ мы пользуемся дарами счастья и уроками несчастія, это показываетъ ходъ нашей жизни, и потому то исторія ея не можетъ не быть для насъ поучительною, если только разсматривать дѣла свои по совѣсти. Исторія нашей жизни есть практическая нравоучительная книга, которая находится у каждаго предъ глазами, всякому доступна, всякому легка для чтенія, всякому понятна: она написана фактами, извѣстными каждому, кто только захочетъ воспоминаніемъ обратиться къ своему прошедшему.

Всякій легко припомнить, что съ нимъ было въ прожитое время, какія у него были силы и способности, къ чему онъ стремился, чего достигалъ и

въ чемъ обманулся, въ чемъ находилъ покой душѣ и разочарованіе, чѣмъ его сердце радовалось или сокрушалось. Ему представится цѣлая картина случившихся съ нимъ превратностей и изъ обзора своего прошлаго онъ можетъ извлечь для себя самые вѣрные выводы для своего настоящаго и будущаго. Въ жизни своей я не былъ избалованъ удачами и дарами счастья, мнѣ все давалось трудомъ и съ трудомъ, но я не терпѣлъ крайней нищеты, не испытывалъ и такихъ бѣдствій, какимъ подвергаются многіе, достойные, повидимому, лучшей участи. Когда пораженный скорбію я разсматривалъ себя въ прежнихъ обстоятельствахъ жизни, всегда убѣждался въ томъ, что Богъ послалъ мнѣ долю по моимъ силамъ и слабостямъ, что въ другомъ, высшемъ состояніи я могъ бы забыться, могъ бы оказаться несостоятельнымъ къ исполненію своихъ обязанностей, или не вынесъ бы борьбы съ препятствіями; что трудовая жизнь избавила меня отъ праздности и ея губельныхъ послѣдствій, обращала мою мысль на полезное, удаляла отъ соблазновъ, удерживала порывы характера, обуздывала волю. Теперь, когда конецъ моей жизни приближается, когда отъ жизни я не жду никакой отрады, я пишу эти воспоминанія затѣмъ, чтобы бесѣдою съ самимъ собою о быломъ развлекать скуку одиночества и назидать самого себя оказанными благодѣянiями Божиими».

Настоятель Сергіевского всей артиллеріи собора,

Протоіерей Димитрій **Ильинскій**.

Содержаніе. Приказъ по войскамъ гвардіи и Петерб. воен. округа.— Бесѣда о почитаніи родителей.— Слово при первомъ служеніи. — Поѣздка священника во Владивостокъ съ новобранцами на пароходѣ.— Изъ воспоминаній бывшаго воспитанника арм. дух. семинаріи (окончаніе).

Редакторъ-Издатель, Свящ. **Іоаннъ Таранецъ**.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, Юля 5 дня 1896 года.

Цензоръ Архимандритъ **Меводій**.